

Кречмер (Kretschmer) Эрнст (8 октября 1888 — 8 февраля 1964) — немецкий психиатр и психолог, профессор Тюбингенского университета, директор неврологических клиник в Марбурге (1926) и Тюбингене (1946), почетный член многих научных и медицинских организаций. Его работы неоднократно удостоивались высших международных наград. Широко известен своей классификацией характеров, а также исследованиями в области медицинской психологии и психотерапии. Сочинения: Строение тела и характер. М., Л., 1924; Geniale Menschen, 1929; Медицинская психология. М.; Л., 1927; Об истерии. М.; Л., 1928; Hysterie, Reflex und Instinkt, Psychotherapeut. — Studien, Die Sensitive Beziehungswahn, 1958.

Строение тела и характер.

Э.Кречмер

Несколько слов относительно критических возражений по поводу этой книги.

Некоторые критики полагают невероятным, что существуют лишь два главных типа человеческого характера. Но мы этого никогда и не утверждали. Эта книга является только началом; при терпеливой совместной работе всех, вероятно, удастся разложить предлагаемые типы на подгруппы и найти новые.

Далее наличие многих смешанных форм, комбинаций, перекрещиваний, атипических картин приводится как доказательство против такой группировки типов. В процессе человеческой наследственности, где переплетаются всевозможные предрасположения, мы можем это заранее ожидать. Если в ботанических опытах с изучением наследственности появляется розовых цветов гороха вдвое больше, нежели чисто красных или чисто белых, то никто не станет считать наличие розовых цветов доказательством против существования белых и красных. Вопрос заключается только в том, существуют ли статистические соотношения в смысле совпадения между определенными формами строения тела и определенными психическими предрасположениями. Здесь в статистическом соотношении совпадения кроются прочные доказательные факты, но их нельзя искать в отдельном случае, который может быть типичным или атипичным.

СТРОЕНИЕ ТЕЛА

Цезарь

Окружите меня людьми полными,
С головами блестящими и хорошим сном.
Взгляд Кассия чересчур глубок.
Он мыслит слишком много, такие люди ведь опасны

Антоний

Его не бойтесь вы, он не опасен,
Он благороден и очень одарен.

Цезарь

Если бы жиру больше было в нем.

Шекспир. Юлий Цезарь

Черт простого народа большей частью худой с тонкой козлиной, бородкой на узком подбородке, между тем как толстый дьявол имеет налет добродушной глупости. Интриган — с горбом и покашливает. Старая ведьма — с высохшим птичьим лицом. Когда веселятся и говорят сальности, появляется толстый рыцарь Фальстаф с красным носом и

лоснящейся лысиной. Женщина из народа со здоровым рассудком низкоросла, кругла, как шар, и упирается руками в бедра.

Словом, у добродетели и у черта острый нос, а при юморе толстый. Что мы можем по этому поводу сказать? В начале только следующее. Возможно, что эти образы, которые выкристаллизовались в народной фантазии благодаря многовековой традиции, являются объективными документами психологии народов, осадками массовых наблюдений, которым, может быть, и ученый должен уделить некоторое внимание.

Но это лишь между прочим. Наши исследования исходили не из таких соображений, а из специально-психиатрической постановки вопроса, и лишь впоследствии с известной внутренней необходимостью, расширяясь и захватив область психиатрических пограничных состояний, закончились общепсихологическими и биологическими соображениями.

ТИПЫ СТРОЕНИЯ ТЕЛА

Мы стоим, следовательно, на такой точке зрения: лишь тогда можно считать установленными конституциональные типы, охватывающие всего человека по его телу и психике и соответствующие действительным биологическим связям, если вскрыты закономерные взаимоотношения между чисто эмпирически установленными сложными типами телосложения и сложными эндогенными типами (как, например, циркулярный и шизофренический психозы).

Нижеописанные типы не являются «типами от идеи», т. е. такими, которые возникли согласно определенной руководящей идее. Они получены эмпирически следующим образом: где можно установить достаточное количество морфологических сходств у достаточного количества лиц, там мы приступаем к определению цифровых данных. Мы действуем, как бы копируя портреты 100 лиц одного типа на одной и той же бумаге, при этом совпадающие черты интенсивно усиливаются, несоответствующие друг другу ступеньваются. Лишь в средней величине усиливающиеся черты мы описываем как «типичные».

Следуя описанному методу, мы установили три постоянно повторяющихся главных типа строения тела, которые мы называем астеническим, атлетическим и пикническим.

И в здоровой жизни мы встречаем всюду эти три типа; сами по себе они не содержат ничего болезненного, но свидетельствуют об определенных нормально-биологических предрасположениях, из которых лишь незначительная часть достигла патологического завершения как в психиатрической области, так и в определенных внутренних заболеваниях.

а. Астенический тип

Выражаясь кратко, *habitus* мужского астеника по общему впечатлению заключается главным образом в слабом росте в толщину при среднем неуменьшем росте в длину... Мы, следовательно, в тяжелых случаях имеем следующую общую картину: худого, тонкого человека, кажущегося выше, чем он на самом деле, с бедной соками и кровью кожей, с узкими плечами, с сухими тонкомышечными руками, с тонкокостными кистями, с длинной, узкой, плоской грудной клеткой, на которой можно пересчитать ребра, с острым реберным углом, с тонким, лишенным жира животом, с такими же руками и ногами...

Уже в детском возрасте эти люди бывают слабыми и нежными; в периоде созревания они быстро растут и вытягиваются, в периоде зрелости и старости они не обнаруживают ни малейшей склонности к правильному накоплению жира и развитию мышц...

У части астеников бросается в глаза как важный биологический признак их

преждевременное постарение...

Астенические женщины, поскольку здесь ясно выступает тип, напоминают по своему *habitus* у астенических мужчин, за исключением одного пункта: они не только худощавы, но часто и малорослы.

б. Атлетический тип

Мужской атлетический тип характеризуется сильным развитием скелета, мускулатуры, затем кожи.

Общий облик самых красивых экземпляров этого рода следующий.

Среднего или высокого роста мужчина с особенно широкими и выступающими плечами, статной грудной клеткой, упругим животом, с формой туловища, уменьшающегося книзу, так что таз и все еще статные ноги по сравнению с верхними частями тела и особенно гипертрофичным плечевым поясом кажутся иногда тонкими. Плотная высокая голова прямо держится на свободной шее, причем линейные контуры, видимые спереди, придают шейной части плеча его особый отпечаток. Рост тела в общем выше среднего...

Атлетический тип у женщин соответствует таковому у мужчин, но с известными характерными отклонениями. Прежде всего развитие жира у атлетических женщин не задержано, а обильно, конечно, оно гармонирует с остальными тканями, прежде всего с костями и мышцами, и, по крайней мере, в случаях нашего материала, не элективно усиленно, как у пикников...

в. Пикнический тип

Пикнический тип в среднем возрасте характеризуется сильным развитием внутренних, полостей тела (головы, груди, живота) и склонностью торса к ожирению при нежной структуре двигательного аппарата (плечевого пояса и конечностей).

Общее впечатление при выраженных случаях довольно характерно: среднего роста, плотная фигура, с мягким широким лицом на короткой массивной шее, сидящей между плечами, основательный жирный живот выступает из расширяющейся книзу глубокой сводчатой грудной клетки.

Если атлетическое туловище кажется прежде всего широким, то пикническое кажется прежде всего глубоким: если там трофический акцент лежит на плечевом поясе и концах конечностей, то здесь он лежит в центре туловища, на бочкообразно расширяющейся книзу грудной клетке и на обильном жирном животе. Конечности в среднем скорее коротки, чем длинны.

Пикники обнаруживают определенную тенденцию к ожирению. Склонность к ожирению пикников держится в умеренных границах и в первую очередь проявляется в склонности к ожирению торса — жир преимущественно отлагается в компактном жирном животе.

Кожа не дрябла, как у астеников, не упруга, как у атлетиков, но мягка и хорошо облегает тело...

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ТИПОВ СТРОЕНИЯ ТЕЛА ПО ГРУППАМ: ЦИРКУЛЯРНОЙ И ШИЗОФРЕНИЧЕСКОЙ

...Само собой разумеется, не существует резкой границы между отдельными типами, что, следовательно, отнесение пограничных случаев к той или иной группе не может быть точным. У циркулярных — случаи с несомненным преобладанием пикнических структурных элементов мы выделили в отдельную рубрику (58). Остальные 14 — это смешанные случаи, которые обнаруживают явные пикнические симптомы строения тела, но вместе с тем сильные гетерогенные налеты, например пикнически-атлетические (5 случаев) и пикнически-астенические смешанные картины. И у шизофреников

астенически-атлетические смешанные формы мы рассматриваем особо.

Строение тела и психическое предрасположение

При всех оговорках мы можем установить для нашего швабского материала следующее. Мы находим у циркулярных больных среди большого числа смешанных и неясных картин сильное выступление пикнических типов строения тела, с одной стороны, при слабом участии классически выраженных астенических, атлетических и диспластических форм тела — с другой.

Напротив, у шизофреников мы находим среди известного числа гетерогенно смешанных и неясных картин резкое выступление астенических, атлетических и диспластических типов (или комбинации их), с одной стороны, при слабо выраженном участии классических пикнических форм тела — с другой.

Следовательно, мы можем наш результат формулировать так:

1. между психическим предрасположением к маниакально-депрессивным заболеваниям и пикническим типом строения тела существует ясное биологическое родство;
2. между психическим предрасположением к шизофрениии и строением тела астеников, атлетиков и некоторых диспластиков существует ясное биологическое родство;
3. напротив, существует незначительное родство между шизофрениией и пикническим типом строения тела, с одной стороны, и между циркулярным психозом и астенически-атлетически-диспластическим типом строения тела — с другой...

СТРОЕНИЕ ЛИЦА И ЧЕРЕПА

а) Типы лица астенических шизофреников: угловой профиль, профиль с длинным носом, с укороченной формой яйца...

В оптическом впечатлении астеническое лицо кажется длинным и узким, бледным и худым, но резко очерченным. Вследствие его узкости оно кажется длиннее, чем есть на самом деле...

Особенно резко выступает несоответствие между длинным носом и небольшой нижней челюстью в профиле. Возникает форма профиля, которую можно назвать угловым профилем.

Если мы рассмотрим такое астеническое лицо с фронтальной стороны, то обнаруживается в резко выраженных случаях укороченная форма яйца, причем контуры нижней челюсти книзу от ушей неожиданно быстро сливаются с кончиком подбородка.

б) Типы лица шизофренических атлетиков: вытянутая форма яйца, плотная высокая голова.

Объем черепа средний, форма черепа в общем высока, узка и средней длины. Форма затылка изменчива, то с выступом, то с крутизной. Тенденция к черепу с формой башни наблюдается в отдельных случаях...

Фронтальное очертание лица определяется описанными размерами. При большом диаметре в высоту возникает вытянутая форма яйца, при этом подбородок сдвинут книзу и контуры челюсти круто поднимаются к уху. Этот характер яйцевидной формы имеет совершенно иную анатомическую основу, чем укороченный астенический овал, поскольку эта форма обуславливается не гипоплазией нижней челюсти, а, напротив, гипоплазией в длину средней части лица и подбородка.

В общем получается впечатление плотной, высокой головы. Эта картина как раз противоположна форме пикнической головы, которая со своим плоским контуром темени, закругленным затылком и несколько выдающейся нижней челюстью кажется длинной и низкой...

У атлетических женщин лица с формой вытянутого яйца также нередки.

с) Типы лица циркулярных пикников: плоский пятиугольный тип.

Выраженное пикническое лицо — верное отражение пикнического строения тела. Оно имеет тенденцию к ширине, мягкости и закругленности. Над ним большой, круглый, широкий и глубокий, но не очень высокий череп. Жировой слой обилен.

Среди пожилых циркулярных встречаются нередко очень красивые энергичные и выразительные лица.

Молодые пикнические лица кажутся полными, крупными, мягкими и, если окрашены, цветущими, и эта мягкость при известных формах циклотимических темпераментов сочетается с психическими проявлениями добросердечия.

Об эстетическом общем впечатлении мы можем (не касаясь диспластиков) сказать: шизофренические лица интереснее, циркулярные — правильнее.

Фронтальные очертания пикнических лиц в резко выраженных случаях варьируют вокруг основной формы плоского пятиугольника. Лица средней высоты широки. Это впечатление еще усиливается отложением жира на боковых поверхностях челюсти, благодаря чему только и получается пятиугольная форма, если сама челюсть не очень пикнически выражена. Пятиугольная форма поэтому у старых лиц отчетливее, чем у молодых...

ТЕМПЕРАМЕНТЫ. ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЕМЬИ.

Перейдем теперь к описанию типов личности, которые соответствуют циркулярным и шизофреническим группам. Не следует ограничиваться одной препсихотической личностью больного. При характерологии то же самое имеет место, что при строении тела: классические черты конституционального типа иногда ярче обозначены у ближайших родственников, чем у самого пациента.

ЦИКЛОИДНЫЕ ТЕМПЕРАМЕНТЫ

Шизоидом и циклоидой мы называем колеблющиеся между здоровьем и болезнью патологические личности, которые отражают в легкой степени основные симптомы шизофренического и циркулярного психоза.

Диатетическая пропорция

Для маниакально-депрессивных пациентов обнаружилось следующие признаки темпераментов как самые частые и постоянно возвращающиеся:

- 1) общителен, добросердечен, ласков, душевен;
- 2) весел, юмористичен, живой, горячий;
- 3) тихий, спокойный, впечатлительный, мягкий.

Наглядности ради мы тут же разделили все свойства на три группы. Первая объединяет до некоторой степени основные черты циклоидного темперамента, свойства, которые постоянно возвращаются как в маниакальном, так и в депрессивном состоянии и которые придают веселости и мрачности оттенок, являющийся именно характерным для циклоидного человека.

Многие гипоманиакальные таят в себе небольшой депрессивный компонент, и у большинства циклоидных меланхоликов есть налет юмора. Гипоманиакальная и меланхолическая половина циклоидного темперамента сменяют друг друга, переплетаются между собой в отдельном случае в различнейших комбинациях. Это отношение при котором в циклоидной личности сочетаются гипоманиакальные и мрачные черты темперамента, мы называем диатетической пропорцией, или пропорцией настроения.

Большинство циклоидов отличается отзывчивой эмоциональной сферой, которая

содержит в себе все оттенки и переходы сангвинического, живого темперамента, гипоманиакальным и глубокого теплого чувства более мрачных натур. Темперамент циклоидов колеблется в глубоких, мягких, закругленных волнах настроения между веселостью и грустью, у одних — быстрее и мимолетнее, у других — сильнее и полнее. Только центр этих колебаний у одних направлен к гипоманиакальному, у других — к депрессивному полюсу.

Циклоидные люди отличаются душевностью. Слово «душевность» выражает собой то, что является общим для большинства всех этих натур при всем различии их настроений: мягкий, теплый, добросердечный, естественно откликающийся на радости и горе темперамент. Слово юмор родственно этому. Мы встречаем юмор при среднем типе циклоидных темпераментов, когда способность к смеху с гипоманиакальной стороны сочетается с душевной глубиной с депрессивной стороны.

Социальная установка

Характер темперамента циклоидов определяет также характер их социальной установки, на что было уже выше указано. Они имеют потребность высказаться, высмеяться и выплакаться. Они стремятся ближайшим естественным путем к тому, что приводит их душу в адекватное движение, радует и облегчает ее, именно к общению с людьми. Они могут в настроении момента слиться со средой, тотчас же принять участие и свыкнуться со всем. Каждая мелочь, каждый предмет окрашивается их теплым чувственным тоном. «С благодарностью и любовью» относятся они к жизни. Конечно, только вне депрессивных настроений. Поэтому средний циклоид в своем обычном состоянии общителен, человеколюбив, реалистичен и легко приспосабливается к окружающему. Так как темперамент сливается со средой, то у него нет никакого резкого противоречия между Я и внешним миром, нет принципиального отрицания его, нет желания корригировать его по твердо установленным положениям, нет трагически заостренного конфликта, но есть жизнь в вещах, слияние с вещами - спайка с жизнью, сочувствие и сострадание.

То, что называют у маниакального эгоизмом, имеет в себе нечто детски наивное, которое находит свой настоящий прототип в чрезмерной радости награждать других подарками и доставлять им удовольствие. Это гипоманиакальное чувство собственного достоинства не заключает в себе резкого противоположения между собственной личностью и враждебным или безразличным внешним миром, но требует жизни для себя и дает жить другим; здесь полная удовлетворенность самим собой и миром, почти странная убежденность в ценности и правах своей собственной индивидуальности.

Эта способность растворяться в реальной среде и сопереживать ее теснейшим образом связана с другой типичной чертой характера. Циклоиды не являются людьми строгой последовательности, продуманной системы и схемы. Это практики, которые раньше знакомятся, с человеком и реальными возможностями, а затем уже считаются с принципом.

Мы встречаем у циклоидов много радости в работе, текучей практической энергии, но у них нет твердой, непреклонной, решительной энергии известных шизоидных темпераментов. Лишь в редких случаях мы встречаем у циклоидов сильное честолюбие. Также гипоманиакальные обнаруживают влечение к труду и самомнение в большей степени, чем сильное стремление к высоким идеалам. Вообще качества, основанные на интрапсихических напряжениях, все эксцентричное, фанатическое чуждо чистым циклоидам. Это в одно и то же время их сила и слабость.

В связи с описанной структурой характера стоит несомненно тот факт, что среди препсихотических типов личности циркулярного круга асоциальные качества довольно редки. Названия: деятельный, экономный, солидный и прежде всего прилежный — относятся к самым частым характеристикам нашего материала. Часто даже восхваляют громадную работоспособность натур с гипоманиакальной окраской. Выражения: «суетлив, деятелен, предприимчив» — характеризуют такую работу; тем не менее следует

подчеркнуть, что бестактность и беспощадность, смелые, необдуманые предприятия хотя и встречаются у гипоманиакального, но поступки уголовного характера и тяжелые антисоциальные действия мы находим и среди нашего материала довольно редко, в особенности когда психические свойства не достигли степени душевного расстройства.

Отдельные типы

Живой гипоманиакальный тип

(Другие примеры циклоидного темперамента, подробно описываемые Кречмером, — «Тихий самодовольный тип» и «Меланхолический тип». — Прим. ред.)

40-летний фабрикант Квик, сын тяжело циркулярной матери и отца такого же темперамента, как и он сам. Этот ловкий, смелый, предприимчивый делец в 1911 г. вместе с другим основал небольшую фабрику с первоначальным капиталом в несколько тысяч марок, которая теперь превратилась, в крупное производство с семью отделениями. Его компаньон — сухой, вдумчивый, солидный человек; их качества прекрасно дополняют друг друга.

При Квике не скажешь ни слова. Обязательный, всегда чистенький, любезный и с великолепным настроением, он говорит непрерывно сам, очень быстро и много, уклоняется в сторону, возвращаясь опять к своему предмету. Когда он уходит за дверь, он еще вспоминает, что он должен еще что-то сказать. Он ни о чем не забывает, кроме того, о чем он хочет забыть. Одним взглядом он улавливает обстановку комнаты до мельчайших подробностей и по-купчески оценивает ее. Его понимание конъюнктуры удивительно. Когда у него нет лишних денег, он фабрикует на бумаге карбидные лампы, что приводит в отчаяние соучастника предприятия. Последнюю зиму, когда прекратилось газовое освещение, он быстро его исправляет и зарабатывает большие деньги. Он настойчив в том, чего домогается, и не терпит никаких советов. Его служащие улыбаются, когда о нем говорят: они его любят и стоят за него горой, но считают его сумасбродом.

Квик — маленький, кругленький человек, стройный, уверенный, довольный. Он элегантно одет, надушен, его галстук и носовой платок изящны, красивого цвета. Он сам их утюжит по утрам своим карманным утюгом, самое необходимое у него с собой, и только лучшего качества. Его реклама в стихах и рисунках является кричащей. Он охотно подчеркивает, что не только очень много пьет, но к тому же и очень хорошо ест: для хорошего завтрака ему нужен фунт зернистой икры. Когда он выпивает много вина, он становится неосмысленным, грубым «швабом».

Недавно он праздновал день рождения своей тещи в своем доме следующим образом: в 2 часа утра, только что возвратившись на автомобиле, он появляется с поздравлением перед ее кроватью, держа в одной руке два мешочка лучшей муки, а в другой — портрет масляной краской. В 6 часов утра появляется в его квартире духовой оркестр из десяти человек, заказанный им в честь тещи. Они играют непрерывно от 6 до 10 часов утра: «Этот день господина», «Не забывай меня», «Благодарите все бога», «Смешанное попури» — и заканчивают «более серьезным». После обеда, так как идет дождь и они ничего не могут заработать, им разрешается еще раз прийти. Они играют, Квик их щедро награждает. Он в великолепном настроении. Народ собирается внизу на площади и аплодирует. Квик появляется на балконе и обращается к народу с речью. Только он один еще на своем посту: его дамы лежат на постели с расстроенными нервами.

Вследствие этого, праздника, далеко не подобающего для фирмы, он попадает под наше наблюдение. Жена и его компаньон огорчены и озабочены таким его поведением. Здесь у нас он мил, обходителен, вежлив, быстро со всеми знакомится и находит себе дело. Его комната быстро украшается маленькими диванными подушками, драпировками и безделушками. На его столе находятся: небольшая коллекция его фабрикатов, электрический аппарат, который то неожиданно освещает, то затемняет их, затем большой белый слон, внутри воспламеняющийся, поглощающий дым и взамен этого выделяющий

приятные духи, наконец, платяная щетка, которая начинает издавать музыкальные звуки, как только чистят платье, и на стене клозетная бумага, снабженная внутри музыкальным аппаратом — при отрывании каждого листка раздается песнь: «Радуйтесь жизни, так как еще горит лампочка». Квик говорит о себе так: «Я весьма ценный человек, человек гущи. Моя жена совсем не знает, что я для нее значу!»

ШИЗОИДНЫЕ ТЕМПЕРАМЕНТЫ

Общая часть

Циклоидные люди — прямые несложные натуры, чувства которых в естественной и непритворной форме всплывают на поверхность и в общем каждому вполне понятны. Шизоидные люди имеют поверхность и глубину. Язвительно грубая, или ворчливо-тупая, или желчно-ироническая, или моллюскоподобно-робкая, бесшумно скрывающаяся — такова эта поверхность. Или поверхности нет, мы видим человека, который стоит на пути как вопросительный знак, мы ощущаем нечто шаблонное, скучное и неопределенно проблематичное. Какова глубина за этой маской? Она может быть ничем, пустотой мрака — аффективной тупостью. За безмолвным фасадом, который слабо отражает угасающее настроение, — ничего, кроме обломков, зияющей душевной пустоты или мертвящего дыхания холодной бездушности. Мы не можем по фасаду судить, что скрывается за ним. Многие шизоидные люди подобны римским домам и виллам с их простыми и гладкими фасадами, с окнами, закрытыми от яркого солнца ставнями, но где в полусумраке внутренних помещений идут празднества.

Цветы шизофренической внутренней жизни нельзя изучать на крестьянах, здесь нужны короли и поэты. Бывают шизоидные люди, относительно которых после десятилетней совместной жизни нельзя сказать, что мы их знаем. Робкая, кроткая, как ягненок, девушка служит в течение нескольких месяцев в городе, она послушна, нежна со всеми. Однажды утром находят троих детей убитыми в доме. Дом в пламени, она не расстроена психически, она знает все. Улыбается без причины, когда признается в преступлении. Молодой человек бесцельно проводит свои молодые годы. Он так вял и неуклюж, что хочется растолкать его. Он падает, когда садится на лошадь. Он смущенно, несколько иронически улыбается. Ничего не говорит. В один прекрасный день появляется томик его стихотворений, с нежнейшим настроением; каждый толчок, полученный от проходящего неуклюжего мальчишки, перерабатывается во внутреннюю трагедию; ритм строго выдержан и отличается стильностью.

Таковы шизоидные люди. Аутизмом называет это Блейлер, жизнью в самом себе. Нельзя знать, что они чувствуют; иногда они сами этого не знают... Но все, что они чувствуют, банальность ли это, прихоть, низость или сказочные фантазии, — все только для них одних, ни для кого другого...

Психоэстетическая пропорция

Из шизоидных качеств характера, наблюдаемых на поверхности, выделены из нашего материала следующие:

- 1) необщителен, тих, сдержан, серьезен (лишенный юмора), чужак;
- 2) застенчивый, боязливый, тонко-чувствующий, сентиментальный, нервен, возбужден, друг книги и природы;
- 3) послушен, добродушен, честен, равнодушен, туп, глуп...

Черты первой группы — наиболее частые, так как они красной нитью проходят через всю шизоидную характерологию, а также через вторую и третью группу. Они объединяют, кроме лишенной юмора серьезности, главным образом то, что Блейлер называет аутизмом. Вторая и третья группа стоят в известном противополжении друг к другу; они

образуют такую же контрастную пару, как у циклоидов качества веселых, живых гипоманиаков и тяжеловесных, мрачных меланхоликов. Вторая группа рисует всевозможные оттенки психической чрезмерной чувствительности, от мимозоподобной тонкости чувств до гневной возбужденности. Третья группа обнаруживает, наоборот, признаки известной психической нечувствительности, тупости, понижения способности к самопроизвольным актам. Она приближается к тому полюсу, который Крэпелин при очень тяжелых психотических случаях называет аффективным отупением.

Если мы хотим кратко охарактеризовать шизоидные темпераменты, то мы должны сказать: шизоидные темпераменты находятся между полюсами раздражительности и тупости, так же как циклоидные темпераменты находятся между полюсами веселости и печали...

Только тот владеет ключом к пониманию шизоидных темпераментов, кто знает, что большинство шизоидов отличаются не одной только чрезмерной чувствительностью или холодностью, но обладают тем и другим одновременно, и при этом в совершенно различных комбинациях. Мы можем из нашего шизоидного материала образовать непрерывный ряд, который начинается тем, что я обычно называю «типом Гельдерлина», — теми крайне сентиментальными, чрезмерно нежными, постоянно обидчивыми мимозоподобными натурами, «состоящими только из нервов», — и который прекращается на тех холодных, застывших, почти безжизненных типах тяжелой *dementia praecox*, прозябающих как «животное», в углах больницы, и мы тем не менее у нежнейших представителей этой мимозоподобной группы ощущаем еще легкий, незаметный налет аристократической холодности и неприступности, аутическое сужение сферы чувствований отграниченным кругом избранных людей и вещей, и мы слышим иногда резкое замечание о людях, находящихся вне этого круга, и по отношению к которым аффективная откликаемость совершенно умолкает: «Между мной и людьми завеса из стекла», — сказал мне недавно такой шизоид с неподражаемой четкостью. Эту тонкую, холодную, остро колющую стеклянную завесу мы чувствуем у сделавшегося кататоником Гельдерлина, представителя мимозоподобной группы, и еще яснее у шизофреника Стриндберга, который о себе говорит: «Я тверд, как железо, и все-таки полон чувств до сентиментальности»...

От этого мимозоподобного полюса шизоидные темпераменты во всевозможных оттенках идут к холодному и тупому полюсу.

Но и среди половины нашего материала с бедностью аффекта мы находим довольно часто в глубине души нежное ядро личности с крайне уязвимой нервной сентиментальностью. «Вы не знаете, как мне все это больно», — сказал недавно своим родителям юный гебефреник, который по внешним проявлениям отличался равнодушием, вялостью и полным отсутствием темперамента.

Комбинацию соотношений, при которой у отдельного шизоида гиперэстетические элементы переплетаются с анестетическими элементами шизоидной шкалы темпераментов, мы называем психоэстетической пропорцией.

Пропорция настроения циклоидов колеблется волнами. Психоэстетическая пропорция шизоидов перемещается. Это значит, что отношение между гиперэстетическими и анестетическими частями темперамента меняется в течение всей жизни у многих шизоидов толчкообразно, но больше не возвращается к исходному пункту.

Социальная установка

Аутизм, рассматриваемый как шизоидный симптом темперамента, имеет оттенки в зависимости от психоэстетической шкалы отдельного шизоида. Бывают случаи, когда аутизм является преимущественно симптомом повышенной чувствительности. Такими крайне раздражительными шизоидами сильные краски и тона реальной жизни воспринимаются как резкие, некрасивые, грубые, неприятные, и даже с душевной болью, между тем как для циклоида и для нормального человека они желанны и составляют

необходимый возбуждающий жизненный элемент. Их аутизм проявляется в том, что они уходят в самих себя, они стремятся избежать всяких внешних раздражений, заглушить их, они закрывают окна своего дома, чтобы в нежном, тихом полумраке своего внутреннего Я вести фантастическую, «бездеятельную, но полную мыслей» жизнь в грезах (Гельдерлин). Они ищут, как красиво о себе сказал Стриндберг, одиночества, чтобы закутаться в шелк своей собственной души...

Аутизм большинства шизоидов и шизофреников представляет комбинацию обоих элементов темперамента: это — равнодушие с Налетом боязливости и враждебности; это — холод и в одно и то же время страстное желание быть оставленным в покое. Судорога и паралич в одной картине.

Шизоидные люди или абсолютно необщительны, или общительны избирательно, в узком замкнутом кругу, или поверхностно-общительны без более глубокого внутреннего контакта с окружающим миром. Необщительность шизоидов имеет различнейшие оттенки. Эта антипатия к общению с людьми варьирует от нежной тревоги, робости и застенчивости через иронический холод и угрюмую причудливую тупость до резкого, грубого, активного человеконенавистничества. И самое любопытное — это то, что эмоциональная установка отдельного шизоида в отношении ближнего переливается замечательными цветами радуги между застенчивостью, иронией, угрюмостью и жестокостью. Красивым характерологическим примером такого рода служит Робеспьер. По отношению к чужим, вновь появляющимся людям пробуется весь регистр психоэстетической шкалы с нервозностью и неуверенностью.

Циклоидное добродушие — это добросердечие, готовность разделить горе и радость, активная доброжелательность или дружелюбное отношение к ближнему. Добродушие шизоидного ребенка слагается из двух компонентов: боязливости и утраты аффекта. Это есть уступка желаниям окружающих, вследствие равнодушия, смешанного с робкой боязливостью оказать им сопротивление. Циклоидное добродушие — это дружеское участие, шизоидное — боязливая отчужденность. В соответствующих конституциональных соединениях и это боязливое шизоидное добродушие может получить черты истинной доброты, приятной нежности, мягкости, внутренней привязанности, но всегда с элегической чертой болезненной отчужденности и уязвимости. Мы встречаем среди необщительных шизоидов характерную фигуру угрюмого чудака, который, замкнувшись от внешнего мира в своей келье, всецело поглощен своими собственными мыслями, все равно будь то ипохондрические телесные упражнения, технические открытия или же метафизические системы. Эти оригиналы и чудачки внезапно покидают свой угол как «озаренные» и «обращенные в новую веру», отпускают себе длинные волосы, образуют секты и проповедуют в пользу человеческих идеалов, сырой пищи, гимнастики и религии будущего, или все это вместе.

Наряду с простой необщительностью характерной чертой некоторых высокоодаренных шизоидов является избирательная общительность в замкнутом кругу. Многие чувствительные аутисты отдают предпочтение определенной социальной среде, определенным сторонам своей психической атмосферы, которые они считают своим жизненным элементом. Это, прежде всего, изящные светские формы жизни, аристократический этикет.

В строго выдержанном, выхолощенном формализме его нежная душа находит все, что ей нужно: красивую линию жизни, которая нигде и ничем не нарушается, и заглушение всех аффективных акцентов при общении с людьми. Затем этот безличный культ формы прикрывает то, что так часто отсутствует у шизоида, — он прикрывает за этой холодной элегантностью недостаток сердечности и непосредственной душевной свежести, что вскрывает также и в этих тонко чувствующих натурах начинающееся охлаждение эмоции. Аристократическое некоторых шизоидных натур выявляется у простых людей в потребности к высокомерию, в желании быть лучшими и иными, чем другие.

Существенное в этой характерологической тенденции — это стремление к замкнутому

кругу. Дружба таких шизоидов — это избирательная дружба к одному. Неразделимый союз двух мечтающих чудаков или союз юношей, эфирный, торжественный, удаленный от народа; внутри его — экстатический культ личности, вне его — все резко отвергается и презирается. История юности Гельдерлина является наглядным примером в этом направлении.

Также обстоит дело и с эротикой. Не горячее естественное влечение, но экстаз и резкая холодность.

Ищут не красивую девушку, но женщину вообще, «абсолютное»: женщину, религию, искусство — в одном лице. «Или святая, или мегера — середины нет. Стриндберг является красивым примером такого типа.

Третья социальная установка шизоидов — поверхностная общительность без более глубокого психического раппорта. Такие люди могут быть очень ловкими, расчетливыми дельцами, суровыми властелинами, или холодными фанатиками, или же равнодушными, вялыми, ироническими натурами, которые вращаются среди людей всякого круга, но при этом ничего не ощущают.

Словом, шизоид не растворяется в среде. Всегда здесь — стеклянная завеса. При гиперэстетических типах развивается иногда резкая антитеза: Я и «внешний мир».

Постоянный самоанализ и сравнение: Как действую я? Кто поступает со мной несправедливо? Кому я сделал уступку? Как теперь я пробьюсь?

Это — люди постоянного душевного конфликта, жизнь которых представляет собой цепь трагедий и протекает по одному только тернистому пути. Они, если можно так выразиться, обладают талантом к трагическому. Циклотимик вовсе не в состоянии обострить ситуацию, если она трагична; он уже давно приспособился, и окружающий мир к нему приспособился, так как он его понимает и в контакте с ним.

Резкий, холодный эгоизм, фарисейское самодовольство и чрезмерное самомнение во всех вариациях мы находим в шизофренических семьях.

Но они не являются единственной формой аутизма. Другой формой его служит стремление осчастливить людей, стремление к доктринерским принципам, к улучшению мира, к образцовому воспитанию своих собственных детей, при полном игнорировании своих собственных потребностей. Альтруистическое самопожертвование высокого стиля, особенно в пользу общих идеалов (социализм, воздержание от алкоголя), является специфическим качеством некоторых шизоидов. В одаренных шизофренических семьях мы иногда встречаем прекрасных людей, которые по своей искренности и объективности, непоколебимой стойкости убеждений, чистоте воззрений и по твердой настойчивости в борьбе за свои идеалы превосходят самих полноценных циклотимиков; между тем они уступают им в естественной, теплой сердечности в отношении к отдельному человеку и в терпеливом понимании его свойств.

Тип холодного деспота (нравственное помешательство)

(Другие примеры шизоидного темперамента, подробно описываемые Кречмером, - «Сентиментальный, лишенный аффекта тип», «Тонкочувствующий холодный Тим аристократа», «Патетический тип идеалиста», «Гневно-тупой тип», «Тип никчемного бездельника».)

Эрнест Кат, 23-летний студент, преследует своих родителей, с фанатической ненавистью и жесточайшей бранью, называет своего отца бродягой, свою мать — проституткой, угрожает избить их кнутом крадет и выжимает деньги у них, насколько он может. Их существование — это сплошное мучение. Они ни на один момент не уверены в своей жизни. На столе перед матерью лежит бумажник. Эрнест Кат с папироской в руках небрежно берет бумажник, вынимает оттуда все деньги, кладет их спокойно в карман и возвращает ей обратно бумажник. Отец не желает платить его долгов. Он берет несколько серебряных ложек, тщательно рассматривает их и прячет их к себе. Он конфискует

ценные вещи в доме до тех пор, пока не удовлетворят его требований. Если ему угрожают полицией, он пожимает плечами: он знает, что отец не желает скандала. Он насилует кельнерш и образованных молодых девушек, которых он ночью приводит в дом своего отца, в свою комнату. Когда возмущаются его поведением, он только холодно улыбается. Если напоминают ему о работе, он приходит в бешенство. После таких выступлений он покидает комнату, весь покрытый потом.

Его университетские занятия без всякой цели и плана, он поступал на все факультеты, изучал философию, психологию, эстетику, но кутил и ничего не достигал. Наконец, он пришел к заключению: «Я исключительный человек, обычная профессия не для меня, я хочу сделаться артистом».

Вне дома он совершенно иной, весьма любезен, считается молодым человеком с изящными манерами, умеющим себя держать в обществе. Он любим в кругу своих товарищей и играет в хорошем обществе известную роль *maitre de plaisir*. По отношению к молодым женщинам в нем есть нечто подкупающее, со многими он стоит в нежной переписке. Он постоянно носит монокль, у него удивительная слабость к дворянскому обществу, в его собственной личности проглядывают черты дворянского происхождения. «Я не могу вращаться в кругах, где живут мои родители». Его политические убеждения крайне консервативны. Тем не менее его охватило внезапное настроение играть роль пролетария, который имеет желание расстрелять всю буржуазию.

Однажды Эрнест Кат пришел к нам сам. Худая жилистая фигура. Лицо очень длинное, бледное, холодное, спокойное, каменное. Почти отсутствует мимика. Поза небрежная, аристократическая, речь сдержанная, усталая, лишенная акцента. Иногда нечто деревянное, напыщенное. Некоторые выражения странные, приводящие в тупик. Когда он говорит дольше, ход его мышления становится расплывчатым. Когда он составляет предложение, чувствуется, что его мысль соскальзывает, его нельзя фиксировать на конкретном вопросе, он постоянно впадает в общее, абстрактное: идеалистические обороты о личности, мировоззрении, психологии, искусстве, почти хаотически переплетаются между собой, нанизываются среди отрывистых предложений: «Я установлен к конфликтам»; «Я стою на психической почве, я психически совершенно сознателен».

Его внешность обнаруживает эмоциональную холодность и бесчувственность, в нем проглядывает душевная пустота и разорванность с чертами отчаяния и трагического чувства. «Внутренняя безнадежность и расщепленность», как он говорит. Он стремится «к спорту, к сцене и к психологии». Только никакого занятия для заработка, ничего такого, что «может делать и другой». Родители всюду мешают развернуться его личности. Они должны давать ему средства, которые ему нужны, чтобы он мог жить в «своей сфере», т. е. в такой среде, которая удовлетворяла бы его художественные наклонности. Он ничего не может достигнуть. Его «влечет к красоте к общению с людьми». Он пишет много писем. Но всякое чувство в нем умерло. Это «чисто искусственная жизнь», которую он ведет, «чтобы насильственно приспособиться к социальной среде, самому пережить». Он судорожно рыдает. «У меня отсутствует человеческое и социальное».

У него никогда не было юмора, это он сам чувствует. Всегда он был занят только своей собственной личностью. «Мир — это для меня театр, в котором только я сам играю». Друзей у него никогда не было, юношеское не находит в нем отзвука. Он никогда не был серьезно влюблен в женщин. У него было много половых сношений, но внутренне при этом он оставался холодным: «Для меня невозможно уйти от себя». Все другое в жизни «техника», «обман». Крайне холодные театральные манеры. Сильная склонность к эстетическому доставляет ему удовольствие.

Он разыгрывает из себя интересного, избалованного человека, стоящего над жизнью. Иногда он внезапно говорит: «Я — Иванушка-дурачок».

Раньше Эрнест Кат был другим: слабым, тихим, нежным ребенком. Его отец рассказал нам о нем следующее: он принадлежал к лучшим ученикам. В его характере, наряду с

крайней добросовестностью, отмечалась несвойственная его возрасту серьезность, чрезмерная основательность и работоспособность. Его молчаливость, грусть и странность уже тогда вызывали опасения.

В общем он был добросердечным, послушным, любвеобильным мальчиком, особенно нежным к матери. Наступление периода созревания несколько запоздало, и он долго не обнаруживал ни малейшего чувства к девушкам. В последних классах гимназии началось резкое изменение его характера: он сделался угрюмым, нервным и ипохондричным. Терпение и умственная продуктивность заметно ослабели. Место усиленных занятий заняло легкомысленное чтение, безграничное философствование и неудачные попытки писать стихи. Он перестал заботиться о чистоте тела, — нужно было его принуждать умываться и причесываться. Часами он бесцельно проводил время в мечтах. Плохо сданный им выпускной экзамен рассеял все возлагавшиеся на него надежды.

Одновременно с этим изменился также и его характер. Раньше добродушный, тихий мальчик, сделался недовольным, сумрачным упрямым. Он ненавидел своего отца. Еще долгое время он был сильно и нежно привязан к матери, а также и к своей сестре, пока та не вышла замуж и не умерла от туберкулеза. Под влиянием бредовых идей ревности к зятю он вбил себе в голову, что родители виноваты в ее смерти, и начал теперь преследовать с фанатической ненавистью и мать.

Каким образом могло произойти, что холодный тиран Эрнест Кат в детстве был кротким, нежным ребенком?

Это та своеобразная связь в наследственности и построении личности, которую мы встречаем постоянно у шизофреников. Мы должны признать эту связь именно потому, что она не столь неожиданна, потому что она установлена благодаря опыту, так как мы не могли бы к этому прийти путем спекулятивных психологических дедукции.

Состояние нашего пациента до периода полового созревания соответствует во всех существенных чертах шизоидному преисихотическому главному типу сентиментального примерного ребенка, лишенного аффекта. То, что с ним произошло в периоде полового созревания, не было тяжелым шизофреническим психозом, но это следует рассматривать, особенно в связи с наследственностью, как биологический эквивалент шизофренического процесса. Личность, которая возникла после, с точки зрения строгой теории надо считать постпсихотической.

Личности до и после периода полового созревания как будто отделены пропастью. И все-таки эта перемена в периоде зрелости не обозначает никакого разрыва с прежней личностью, но представляет лишь сдвиг в ней. Это типичный пример того, что мы назвали сдвигом психоэстетической пропорции.

Шизоиды, как Эрнест Кат, напоминают нероновские фигуры, с их смесью порывистого произвола и содрогающейся ярости, насыщенного комедианства и холодной, расчетливой жестокости...

ЦИКЛОТИМИЧЕСКИЕ И ШИЗОТИМИЧЕСКИЕ СРЕДНИЕ ЛЮДИ

Проблема конституции развернется перед нами во всей широте лишь тогда, когда мы приобретенные результаты перенесем в нормальную психологию. Переходом в нормальную психологию мы не делаем никакого скачка. Перенося связующие нити между строением тела и психическим предрасположением на все варианты психопатической личности и отодвигая благодаря этому на задний план грубые душевные расстройства как исходный пункт нашего исследования, мы неожиданно оказываемся среди здоровых людей, среди знакомых нам лиц. Здесь у нормальных четко выступают перед нами те черты, которые мы видели там в искаженной форме. Мы находим те же самые типы строения тела, те же самые стигматы телесной конституции и мы находим, что за той же внешней архитектурой живет та же психическая стимулирующая сила. Те же самые задатки, которые здесь являются разумными регуляторами здоровой психической

установки, там, нарушая равновесие, гибнут, подвергаясь расстройству...

Этим путем мы лучше всего освобождаемся от узости психиатрического кругозора: мы уже не смотрим на мир через больничные очки, пытаясь всюду у здоровых выискивать ненормальные черты, но мы можем свободно стать в большой круг и в нем правильно расчленивать и судить о здоровом или, лучше сказать, об общебиологическом и, исходя из этого большого круга, правильно понять небольшой круг болезненного. Мы уже больше не станем рассматривать психопатические личности как психопатические абортивные формы определенных психозов, напротив, мы будем считать определенные психозы карикатурой определенных нормальных типов личностей.

Мы будем считать определенные психозы карикатурой определенных нормальных типов личностей. При таких условиях психозы представляют собой лишь редкие заострения широко распространенных больших конституциональных групп здоровых.

В этом смысле и следует избрать термины. Мы называем людей, принадлежащих к тому большому конституциональному кругу, из которого рекрутируются шизофреники, шизотимическими людьми, а тех, которые принадлежат к одной группе с циркулярными, — циклотимическими. Переходные формы между здоровьем и болезнью, или болезненные абортивные формы, целесообразнее всего называть циклоидными или шизоидными, как мы это уже сделали. Нужно, следовательно, с самого начала ясно помнить, что названия шизотимический и циклотимический ничего общего не имеют с вопросом: здоровый или больной, но они представляют собой термины для больших общих биотипов, которые включают в себе огромную массу здоровых индивидуумов и лишь небольшую группу разрозненных, относящихся сюда психозов.

Мы только воспользовались существующими названиями для болезненного, применив их, целесообразности ради, и по отношению к здоровым.

Методический прием при этом был следующий: из нескольких сот физически и психически здоровых людей, мне хорошо известных, я выбрал приблизительно 150, которые в строении своего тела носят яркие и несомненные признаки астенического, атлетического или пикнического типа. Кроме того, я имею в своем распоряжении фотографии большинства из них. Это были, следовательно, соответственно шизофреническому кругу люди с длинными носами и угловым профилем, с чрезмерно высокой средней частью лица, с овальными яйцевидными очертаниями его, при этом с худощавой, стройной фигурой, с грубовыделяющимся мышечно-костным рельефом, и с другой стороны, напротив, хорошо известные из циркулярного круга пикнические фигуры с полными, мягкими лицами, с широкими очертаниями, в форме щита или пятиугольника и с гармоничным построением профиля, с короткой шеей, округленными формами тела и склонностью к пикническому отложению жира.

При этом вскоре обнаружились две большие группы темпераментов, из которых одна совпадает с пикническими, другая — с соответствующими шизофреническому кругу формами строения тела! разумеется, и здесь нам приходилось встречать небольшое количество частичных или полных переkreщиваний...

Преимущественно у пикников наблюдающиеся темпераменты можно разделить на следующие подгруппы, которые связаны между собой широкими переходами и часто одновременно наблюдаются у одного и того же лица:

1. Болтливо-веселые.
2. Спокойные юмористы.
3. Тихие, душевные люди.
4. Беспечные любители жизни.
5. Энергичные практики. (На каждый из этих типов Кречмер дает яркую характеристику, которую мы вынуждены опустить. — Прим.ред.)

Мы можем теперь же дать характеристики людей повседневной жизни, которые по строению своего тела сходны главным образом с шизофрениками.

1. Тонкочувствующие аристократы.
2. Чуждые миру идеалисты.
3. Холодные властные натуры и эгоисты.
4. Сухие и параличные.

Мы видим, что типы, которые получаются на основании изучения строения тела здоровых средних людей, не обнаруживают у своих типичных представителей никаких принципиальных отличий по сравнению с характеристиками, данными в последних главах при помощи материала душевнобольных. Строение тела и эндогенные психозы ведут нас при исследовании общей человеческой характерологии приблизительно к тем же целям. Они корригируют и дополняют друг друга. При комбинации обоих методов возможно, вероятно, общее психологическое учение о темпераментах поставить на прочный фундамент...

ГЕНИАЛЬНЫЕ

Высокоодаренные вследствие своей малочисленности малопригодны для статистических исследований, но зато богаче резко выраженными типичными личностями. В этой главе дело идет не о том, чтобы доказать принципиально новое, а о том, чтобы проверить выводы, полученные на большом материале, на немногих великих людях и установить у них более тонкие черты.

Вожди и герои

На основании нескольких исторических примеров можно выделить среди циклотимиков следующие типы вождей:

1. Храбрые борцы, народные герои.
2. Живые организаторы крупного масштаба.
3. Примиряющие политики.

Последние ближе примыкают к средним состояниям, между тем как первые две группы обязаны своей силой гипоманиакальным компонентам.

Блестящим примером гениального вождя, который сочетает в себе эти обе стороны циклотимического характера, является Мирабо, разумный руководитель первого периода французской революции. В соматическом отношении — это фигура с округленными формами и короткими членами, полная темперамента и мягкости — словом, типичный пикник.

Он обладал тенденциями храброго борца и осторожностью, способностями примиряющего политика: пламенный дух, полный ораторского таланта и пылающей чувственности, полный остроумия и сознания собственного достоинства, но при этом всегда справедлив и примирителен, весельчак, кутила, игрок, постоянный должник, но добродушный, как дитя, человек, который любил пожить и давал другим жить, друг человека, совавший каждому нищему деньги в руки, беспечный, доступный, всюду пользовавшийся популярностью и кичившийся ею; мастер популярно выразиться, умевший руководить при самых горячих прениях, пропитанный тонким юмором и умевший в самый сухой официальный документ вставить умное замечание и прекрасный оборот. Лишенный скрупулезности и не отличавшийся очень высокой моралью, но великодушный, со здравым смыслом и свободный от фанатизма и доктрины...

Совершенно иного склада герои шизотимических темпераментов. Их успехи главным образом обусловлены следующими чертами шизотимической характерологии: настойчивостью и систематической последовательностью, их непритязательностью, спартанской строгостью, стоической выносливостью, холодностью в отношении к судьбам отдельных личностей, с одной стороны, и утонченным этическим чувством и неподкупной справедливостью — с другой, а в особенности своим тонким чутьем к стонам слабых и раненых, гиперэстетическим состраданием, отвращением и пафосом по

отношению к народным страданиям, по отношению к дурному обращению с угнетенными классами и склонностью к идеализму вообще. Обратной стороной этих преимуществ является известная склонность к доктринерству, односторонне узкому и фанатичному, недостаток доброжелательности, приятного, естественного человеколюбия, понимания конкретной ситуации и особенностей отдельных личностей.

Их можно подразделить на следующие группы:

1. Чистые идеалисты и моралисты.
2. Деспоты и фанатики.
3. Люди холодного расчета...

Прежде всего, несколько слов о последней группе как менее важной. Такие черты можно видеть в дипломатических способностях князя Меттерниха, человека с резковыраженными шизотимическими формами лица. В шиллеровском описании полководца Валленштейна ясно выступает эта осторожность, скрупулезная холодность, расчетливость в умении властвовать над людьми и ситуациями, в парадоксальном, но биологически-естественном сочетании с мистически-метафизическими наклонностями шизотимика.

Этому холодному, гибкому и отчасти аморальному типу противостоит патетическая страстность и строгая последовательность чистых моралистов и идеалистов. Именами Канта, Шиллера и Руссо можно характеризовать эту группу.

Особенность этих натур заключается в том, что они, не принимая участия в практической жизни, за исключением Шиллера, и неспособные к этому, все-таки благодаря простому высказыванию своих мыслей творили великие дела, которые по своей силе и длительности значительно превосходят исторические деяния упомянутых практических людей расчета. Непостоянный, робкий гиперэстетик Руссо, нелюдимый отшельник с сенситивным бредом преследования в своем внутреннем Я, из своего убежища взволновал душу французского народа и дал непосредственные стимулы для Великой революции: «Природа», «Право человека», «Государственный договор». Он создал такие девизы, исполнения которых только и ждала жаждущая деятельности современность. Железный, «категорический императив» Канта и идеализм Канта и Шиллера вообще стоят в близкой, хотя и не прямой связи с великими освободительными войнами и налагают даже отпечаток на известный период истории Пруссии.

Действие этих и многих других незначительных шизотимиков на современников обуславливается резкой альтернативностью их чувствований и логических формулировок. Это не люди, которые всюду видят большую или меньшую степень хорошего или плохого, которые всюду находят реальные возможности и выходы. Они не видят возможности, но только грубую невозможность. Они не видят путей, а знают только один путь. Либо одно, либо другое. Здесь — в рай, там — в ад. Горячая ненависть смешивается с трогательной благожелательностью. Яркие карикатуры шиллеровских юношеских драм, утопический идеализм Руссо, категорический императив: «Ты можешь, так как ты должен» — так вырисовывается у них одна линия, которая кажется прямой и простой, так отчеканивают они горячие и холодные крылатые слова, сильные лозунги, которые до мозга костей пронизывают полусгнившую, трусливую современность. Они — герои великих переворотов, которым не нужно реалистов, когда невозможное становится единственной возможностью. Аутистическое мышление не становится здесь реальностью, так как это невозможно, но делается сильно действующим ферментом при превращении одной исторической реальности в другую. При известных исторически-заостренных ситуациях эти ферментные действия аутистических лозунгов, даже у фанатиков и утопистов среднего типа, влияют сильнее, чем реально-политические эксперименты и соображения. Это ферментное действие аутистической мысли, односторонней, резко заостренной антитетической идеи мы наблюдаем даже в этическом учении великого мыслителя Канта, которое возникло в тиши кабинета без всякого пафоса, без всякого

желания действовать на массы. Уже часто такой невинный девиз из тихого кабинета ученого встречал звучный резонанс в пафосе повседневных боев и даже воспламенял насыщенную атмосферу той или иной эпохи, что приводило в ужас самого виновника. Все элементы высоконапряженного нравственного идеализма мы находим в фигурах группы фанатиков и деспотов: Савонаролы, Кальвина, Робеспьера (Красивой параллельной фигурой из истории германской революции является Карл Фоллен), т. е. резко альтернативную этическую установку, аутистическую одержимость идеями современников, беспощадную ненависть к реальному миру, к прекрасному, к удовольствиям, ко всему тому, что улыбается, цветет и бьет ключом. Ничего не остается, кроме чистой, голой этической религиозной схемы. Человечество, сделавшееся добродетельным, благодаря страху, окруженное кругом решеткой и колючей проволокой. Если показывается кто-нибудь, который нарушает категорический императив, касается его или игнорирует, — тот лишается головы. И над всем этим Робеспьер. Кровопийца? Нет — ученик Руссо и сын нежной матери, робкий, нежный мечтатель, бледная добродетельная фигура, выдающийся учитель жизни, не понимает ужасов. Он углублен в чтение *Contrat sociale*, своей любимой книги, идеи которой он претворяет в действительность с педантичной тщательностью. Он не чувствует, что он творит, и продолжает посылать на гильотину с неподкупной справедливостью. Он ничего не чувствует, кроме добродетели и идеала. Он не чувствует, что это причиняет страдание. При этом он пишет стихи, как Гельдерлин, и проливает слезы умиления, когда говорит. Простой, приличный, скромный, мягкий, нежный семьянин, который больше всего боится овец и дам.

В истории имеется мало личностей, которые представляют собой такую классическую чистую культуру шизотимических качеств в их странных контрастах, как это мы видим у Робеспьера: резкая эмоциональная холодность наряду с эксцентричностью, героическим пафосом, фанатической настойчивостью и внезапным отказом от решений, скрытая замкнутость при верности своим принципам. Что-то угрюмое, недоверчивое, напыщенное, педантичное, робкое. Добродетельный убийца, варвар из гуманности, «фанатик холодной, но безумной рефлексии».

Странный идеалист Мирабо, его циклотимический антипод, говорит о нем, покачивая головой: «Этот человек верит во все, что он говорит».

Эту шизотимическую триаду: идеализм, фанатизм, деспотизм — мы находим у более крупной и глубокой личности — Кальвина. Робеспьер действует как его карикатурный двойник в другом столетии. Идеалистически-теократическое революционное владычество Савонаролы во Флоренции, Кальвина в Женеве и Робеспьера в Париже имеет много любопытных исторических аналогий.

Из-под рясы Савонаролы выглядывает угрожающий угловой профиль. (В биологическом отношении, следует отметить: лицо Кальвина обнаруживает крайние шизотимические формы, какие только можно встретить на исторических портретах (худое, очень вытянутое лицо с чрезмерной высокой средней частью его, длинный резкий нос, на некоторых портретах гипопластическая челюсть). Робеспьер был сыном туберкулезной матери и душевнобольного отца. Он сам был стройный, бледнолицый, худой, болезненного вида, с низким лбом и загнутым носом; во время возбуждения у него бывали тикообразные подергивания лопатки, его смех производил впечатление гримасничанья, его телесные движения были деревянны и машинообразны.) Шизотимическое творчество незначительных людей быстро преходяще, между тем религиозное учение Кальвина, как каменный монумент великого шизотемического ума, лишь постепенно проникло в умы людей и держалось столетия: со строгой организацией в построении, холодное, систематическое, полное нравоучений и фанатической силы убеждения, нетерпимое — чистая мысль и чистое слово — без образа, без смеха, без души, без юмора, без примирения. Заклятый враг всех диатетических аффектов.

Менее известно то, что Кальвин из теологических мотивов в течение четырех лет казнил

50 человек и еще более сослал.

«Неукротимый характер», «гранит», говорит Каролина о Шеллинге.

Благородство, широкий размах мысли, стойкость при неприятных ситуациях, твердость, чистота и цельность личности, героизм — вот жизненная форма великих шизотимиков. Таковым был Шиллер. Все половинчатое и надломленное он отбрасывает от себя беспощадно. Пусть гибнут граждане, пусть гибнет Шлегель, пусть гибнет все, что не живет и не может умереть. Остается только: идеал и воля. «Как скала,— говорит несколько охлажденный его посещением Жан Поль,— тверд, как скала, полон драгоценных камней, полон сил — но без любви». Гете даже в старости, когда думает о своем друге, говорит с торжественным подчеркиванием: «Он был как Христос, и таким нужно быть».

ТЕОРИЯ ТЕМПЕРАМЕНТОВ

Три понятия: конституция, характер и темперамент — получили для нас в течение нашего исследования следующий смысл.

Под конституцией мы понимаем сумму всех индивидуальных свойств, которые покоятся на наследственности, т.е. заложены генотипически.

Только часть конституциональных факторов мы положили в основу наших исследований, а именно взаимоотношение между строением тела, предрасположением личности и психической и соматической заболеваемостью. Понятие о конституции является психофизическим, общебиологическим и относится как к телесному, так и к психическому. Понятие характер, напротив, чисто психологическое.

Под характером мы понимаем сумму всех возможных реакций человека в смысле проявления воли и аффекта, которые образовались в течение всей его жизни.

Следовательно, из наследственного предрасположения и всех экзогенных факторов: соматических влияний, психического воспитания, среды и переживаний.

Выражение «характер» выделяет из аффективной сферы целостно психическую личность, при этом, разумеется, интеллект остается неотделимым. Понятие характер имеет много общего с понятием конституция, а именно унаследованную часть психических качеств оно абстрагирует от телесных коррелятов, которые заключаются в понятии конституции, но, с другой стороны, в него входят как составная часть экзогенные факторы, особенно результаты воспитания и среды, чуждые понятию конституции. Помимо этого, тяжелые болезненные душевные состояния не относятся к характеру.

Кроме этого, точно отграниченного значения, можно пользоваться выражением «характер» для построения личности, не придавая существенного значения различию между конституциональными и экзогенно развивающимися факторами.

Выражение «темперамент» не является для нас строго установленным понятием, а лишь эвристическим термином, который Должен стать отправным пунктом для главной дифференцировки биологической психологии.

Мы представляем себе пока два главных, переплетающихся между собой круга действий.

1. Психические аппараты, которые называют также психической рефлекторной дугой, следовательно, факторы, которые, вероятно по филогенетически наложенному пути способствуют переработке в смысле образов и представлений психических раздражений от чувственного раздражения до моторного импульса. Их телесный коррелят — мозговые центры и пути — находятся в неразрывной связи с органами чувств и двигательными инстанциями, словом, аппарат чувств, мозга и движений.

2. Темпераменты. Они, как мы это твердо эмпирически знаем, обусловлены гуморально химизмом крови. Их телесным представителем является аппарат мозга и желез.

Темпераменты составляют ту часть психического, которая, вероятно по гуморальному пути, стоит в корреляции со строением тела. Темпераменты, давая чувственные тона,

задерживая и стимулируя, проникают в механизм «психических аппаратов». Темпераменты, поскольку возможно эмпирически установить, имеют, очевидно, влияние на следующие психические качества: 1) на психэстезию — чрезмерную чувствительность или нечувствительность по отношению к психическим раздражениям; 2) на окраску настроения—оттенок удовольствия и неудовольствия в психических содержаниях, прежде всего на шкалу веселого или печального; 3) на психический темп — ускорение или

задержка психических процессов вообще и их специального ритма (цепко держащийся, неожиданно соскакивающий, задержка, образование комплексов); 4) на психомоторную сферу, а именно на общий двигательный темп (подвижный или флегматичный), а также на, специальный характер движений (параличный, быстрый, стройный, мягкий, закругленный).

При этом следует эмпирически установить, что силы, которые влияют на все эти факторы, очевидно, имеют значение для образования типов представления, для того, что мы называем интеллектом и психическим предрасположением...

Будет правильно группировать понятие темперамента вокруг психических инстанций, которые легко реагируют на острые химические действия как экзогенного (алкоголь и морфий), так и эндокринного характера, следовательно вокруг аффективности и общего психического темпа.

В частности, по поводу биологической основы наших представлений о темпераментах надо сказать следующее: мозг остается заключительным органом для всех действий, относящихся к темпераменту, даже и таких, которые исходят, от химизма крови. Экспериментальные наблюдения над травмами мозга показывают, что непосредственные воздействия на мозг могут вызвать резкие изменения темперамента...

В настоящее время мы не можем решить вопрос, насколько мозг наряду со свойствами заключительного органа обладает еще первичными, активными функциями при возникновении таких психических качеств, как окраска настроения и общий психический темп. В отношении различных сенсорных и психомоторных типов функций, типов образования представлений и воззрений мы пока не сможем дать ответа на вопрос: что из этих различных психических функций репрезентируется в отдельных анатомических мозговых аппаратах и что обусловливается лишь переключением того же аппарата вследствие различных химически-гуморальных влияний. Но мы будем уже считать достижением, если эти вопросы будут поставлены и сформулированы...

Коснемся теперь желез с внутренней секрецией. Что эндокринная система имеет существенное влияние на психику, особенно на качество темперамента, является эмпирическим фактом, установленным в отношении щитовидной железы врачебными наблюдениями при кретинизме, миксидеме, cachexia strumipriva и базедовой болезни, а в отношении половой железы — благодаря экспериментам с кастрацией.

Мы вновь видим у больших шизотимических и циклотимических групп корреляцию между строением тела и темпераментом, т. е. биологическое взаимоотношение, которое нам бросается в глаза, если мы рассматриваем параллелизм между психическим уродством и гипопластическим строением тела у кретинотимиков или параллелизм между ростом в длину костей конечностей и сдвигом в темпераменте у молодых кастратов и евнухоидов, т. е. вещи, которые можно закономерно-биологически проследить вплоть до высших животных.

Напрашивается мысль, что нормальные типы темпераментов циклотимиков и шизотимиков в своей эмпирической корреляции со строением тела могут возникать аналогичным, параллельным гуморальным действием, при этом мы не должны думать односторонне о кровяных железах в узком смысле, но о всем химизме крови, который вообще обусловливается большими внутренними железами и, в конце концов, каждой тканью тела. Мы вместо одностороннего параллелизма — мозг и душа — выставим

сознательно и уже окончательно другой — тело и душа, метод мышления, который все больше и больше укореняется в клинике.